Текст · 13 августа 2021, 09:02
Юлия Сугуева,

Лето-99. Уроженца казачьей станицы в Чечне будут судить как участника рейда Басаева на Дагестан; ему было 16 лет

Александру Пономаренко 38 лет, он родился в станице Петропавловская — казачьем поселении неподалеку от Грозного, появившемся во второй половине XIX века на месте разоренного чеченского аула. В девяностые, вспоминает его сестра Ольга Брязгунова, русские из-за притеснений стали уезжать из республики, но семья Пономаренко еще долго не могла покинуть Чечню.

— Просто за дом цену не давали, чтобы мы могли [в другом регионе] что-нибудь купить, не на улицу же ехать женщине с тремя детьми, поэтому мама не уезжала[1], — объясняет младший брат Иван Пономаренко.

Семья пережила в Чечне обе войны. В первую чеченскую «сутками сидели в подвале», вспоминает Иван, а во вторую «почти не пришлось» — вскоре после начала боев в республику вошли федеральные войска.

— Грозненский хребет, получается, над нашей станицей, когда бомбежки начинались, и в село прилетало. В подвалах прятались у соседей, у нас подвал был маленький, а у соседей нормальный, туда больше людей помещалось. Домов 20-30 было

разрушено, точно не скажу. Погибших не было. Во вторую более быстрее прошло, [бомбили] чуть-чуть, но не как в первую.

Началом активной фазы Второй чеченской считается рейд боевиков Шамиля Басаева и Хаттаба на Дагестан в августе 1999 года. В нем участвовало около тысячи человек. Уже весной контроль над республикой оказался в руках российских военных, но режим контртеррористической операции (КТО) сохранялся на всей территории Чечни еще девять лет.

Только в 2006 году семья Пономаренко все-таки уехала к родственникам в Ставропольский край. За пару лет до этого Иван пережил похищение, а старший брат Александр — суд по делу о хранении оружия (родным он объяснял, что признание выбили пытками, первый приговор был оправдательным).

Десять лет назад Александр Пономаренко перебрался в Сочи. Сначала работал водителем грузовика на олимпийских стройках, потом стал таксистом. В 2015-м познакомился с будущей женой Кристиной, вместе воспитывали ее дочь от предыдущего брака, а два года назад в семье родилась вторая девочка.

Спокойная жизнь закончилась этой весной. В шесть утра 29 апреля в их квартиру пришли сотрудники ФСБ в сопровождении местного участкового. Стук услышала теща Александра, но, увидев в глазок вооруженных людей, побоялась открывать и разбудила Кристину.

— Я подумала, что у соседей что-то случилось, открыла дверь, меня спросили, здесь ли проживает

Александр Пономаренко, я сказала: «Да», и все, меня уже никто не слушал, — вспоминает его жена Кристина. — Человек в маске, залетел в комнату, где спал муж, достал пистолет и направился огромными шагами к кровати, наклонился, направил на него пистолет и уже начал: «Э-э, вставай». Муж проснулся, он был в шоке, спросил, что случилось. Тот сказал: «Сейчас тебе объяснят». Никто не показывал документы. Когда [Александра] вывели, я стала спрашивать, кто они такие, что происходит и куда его повезут? Они сказали, что его повезут на Театральную, 14.

На Театральной, 14 в Сочи находится местное управление ФСБ. Супруга рассказала о случившемся родственникам Александра, они начали звонить сначала в полицию, а потом и в Следственный комитет, и в ФСБ. Около пяти вечера муж связался с ней сам: позвонил с незнакомого номера, сказал, что находится в Ессентуках — городе уже в соседнем Ставропольском крае — и его обвиняют в преступлении, совершенном больше 20 лет назад.

— Он сказал: «Лето 1999 года, Кристин, все прекрасно знают, что я находился дома, все могут подтвердить. Я здесь вообще не виноват».

Август 1999-го

1 мая Ессентукский городской суд арестовал Александра Пономаренко.

Уголовное дело, по которому его задержали, возбудили еще 22 года назад в Дагестане. Пономаренко обвинили в участии в вооруженной

группе, мятеже и посягательстве на жизнь силовиков в 1999 году (часть 2 статьи 209, статья 279 и статья 317 УК). Наказанием по ним — до пожизненного заключения.

По версии следствия[2], в июне-июле Александр — 6 июля 1999-го ему исполнилось 16 лет — «желая участвовать в так называемой "освободительной войне", ложно понимая представления о борьбе за идеи религии», вступил в банду «Ногайский джамаат» и вместе с другими участниками группировки прошел обучение подрывному и снайперскому делу в учебном центре возле чеченского села Сержень-Юрт.

В августе того же года около тысячи боевиков, в том числе и участники «Ногайского джамаата», под руководством боевиков Шамиля Басаева и Хаттаба вторглись в Ботлихский район Дагестана, чтобы добиться «вывода Республики Дагестан из состава Российской Федерации» и создать там «новое исламское государство с шариатской формой правления».

В материалах дела утверждается, что с 7 по 24 августа 1999 года Пономаренко, вооруженный автоматом Калашникова, участвовал в боях на окраине приграничного села Рахата и у горы Алилен (Ослиное ухо), во время которых были убиты 33 военнослужащих и еще 34 получили ранения.

За двадцать с лишним лет по делу о вторжении в Дагестан осудили больше 80 человек, еще 28 находятся в розыске, сообщал Следственный комитет

осенью 2020-го. В 2014 году, по утверждению ведомства, в розыске было 58 человек. Пресс-релизы о задержаниях участников этого рейда и судах над ними стали регулярно появляться сайте Следственного комитета только в 2013-2014 годах — примерно в то же время, в середине двухтысячных, расследование было передано из Дагестана в Главное следственное управление СК по СКФО.

Фабула обвинения не меняется от дела к делу, говорит адвокат Нарине Айрапетян, которая сейчас защищает Пономаренко, а до этого представляла интересы нескольких других обвиняемых по тому же делу. По ее словам, большая часть материалов дела уже давно сформирована[3], и эти 20 томов «кочуют» из дела в дело. Так что остается только провести следственные действия с новым обвиняемым — допросить, провести очные ставки, назначить экспертизы, а в случае признания вины еще провести опознание и проверку показаний на месте.

Александр Пономаренко вину не признает.

Похищение и оправдание в Чечне

Его сестра Ольга Брязгунова говорит, что почти все лето 1999 года провела в станице и хорошо помнит: брат в это время никуда не уезжал — работал в поле.

— В наш дом дважды пытались проникнуть неизвестные, чудом удалось выбраться, — вспоминает она. — Чуть позже девушку русскую увезли среди ночи. Поэтому меня мать увезла в 1997 году в Ставропольский край к родным, а сама с двумя

братьями осталась дома в Чечне. Спустя два года, как раз в 1999-м, после окончания 10-го класса, я вернулась домой и до середины августа точно была там. Я помню, что [Александр] был дома, я видела, как он уходил утром, он работал в поле, пахал, возвращался поздно.

Она уверена, что это смогут подтвердить и односельчане — скрыть долгое отсутствие молодого человека, «тем более из русской семьи», было бы невозможно.

По словам Ольги, она тогда в принципе ничего не знала о рейде боевиков на Дагестан в 1999 году — в середине августа уехала в Москву и школу окончила уже там. В 2003-м к ней перебрался и Александр, а младший брат Иван и мать все еще оставались в республике.

В ноябре 2004 года 17-летнего Ивана похитили силовики.

— Это случилось примерно в 21:30, потому что я пошел домой смотреть фильм после программы «Время», — рассказывает Иван Пономаренко. — Разулся, прошел в комнату, сел на кровать, тут стук. Мама дверь открывает, а там уже вооруженные люди стоят. Они заскочили, я сразу понял, что это за мной, потому что я не успел зайти — они приехали. Я маму сам оттолкнул в сторону, чтоб ей ничего не сделали. И все, они меня вытащили, наручники одели, закинули в машину, вниз туда, под ноги к себе, чтобы я ничего не видел, и увезли.

О деталях похищения он рассказывает неохотно. По словам Ивана, он не знает, кто его похитил — военнослужащие федеральных войск или кадыровцы, он даже не помнит, был ли у похитителей акцент: «тогда не обращал внимания». Две недели родные не знали, где он находится. Сам Иван говорит, что тоже так и не узнал, в каком месте его держали. Его пытали, требуя рассказать «о каких-то боевиках»: били палками и железными прутьями, раздевали догола и водили по телу огнем.

— После того как поняли, что я боевиков не знаю, и, кроме одноклассников и соседей, таких же невиновных людей, никого не могу назвать, они меня привезли домой, завели во двор, а там уже лежало оружие, автомат АК и АКСУ. После этого позвали соседку, показали, мол, видите, чем ваши соседи занимаются. Она, помню, сказала: «Я за ними ничего такого не видела», — говорит Иван Пономаренко.

Поскольку сам он еще был несовершеннолетним, продолжает мужчина, от него потребовали оговорить старшего брата Александра, которому тогда исполнился 21 год: «Сказали, это единственный вариант выйти живым и увидеть свою маму живой».

Вскоре Александра Пономаренко задержали в Москве и перевезли в Чечню, против него возбудили дело о хранении оружия[4]. Родные говорят, что уже после ареста его пытками заставили признаться «в терактах», но дела возбуждать не стали.

В 2005 году Грозненский районный суд поначалу оправдал Пономаренко по делу об оружии, но после

обжалования приговора прокуратурой тот же суд все же признал его виновным и приговорил к году условно, рассказывает брат. После этого вся семья уехала в Ставропольский край.

Спустя еще два года, говорит Иван Пономаренко, брат решил съездил в гости к односельчанину, но там его похитили и потребовали от семьи выкуп.

— Когда поняли, что семья не владеет деньгами, чтобы выкупы раздавать, мы и так дом в Чечне продали, чтобы адвоката нанять, когда первое дело было, так его отпустили.

Кем были похитители — силовиками или боевиками, по словам брата. «утверждать никто не может».

Больше Александр в родную республику не ездил.

Иллюстрация: Костя Волков / Медиазона

Как осужденный превращается в серийного свидетеля

По словам брата, поскольку они росли в Чечне, у Александра немало знакомых-мусульман, но сам он

ислам никогда не исповедовал, и крестил своих детей-[5].

Это, уверены родственники, доказывает, что он никогда не был радикальным исламистом, как утверждается в материалах дела.

Еще одним аргументом в пользу невиновности брата они называют «проверку в ФСБ на причастность к террористическим и экстремистским преступлениям», которую Александр проходил, когда в 2013 году устраивался работать на олимпийскую стройку в Сочи.

— Думаю, человек, у которого была бы такая страшная история за плечами, просто бы не рискнул туда пойти, нашел бы другую работу, — считает его сестра Ольга.

Следствие доказывает вину ее брата, как и большинства других обвиняемых по делу о рейде боевиков на Дагестан, показаниями уже осужденных фигурантов и засекреченных свидетелей.

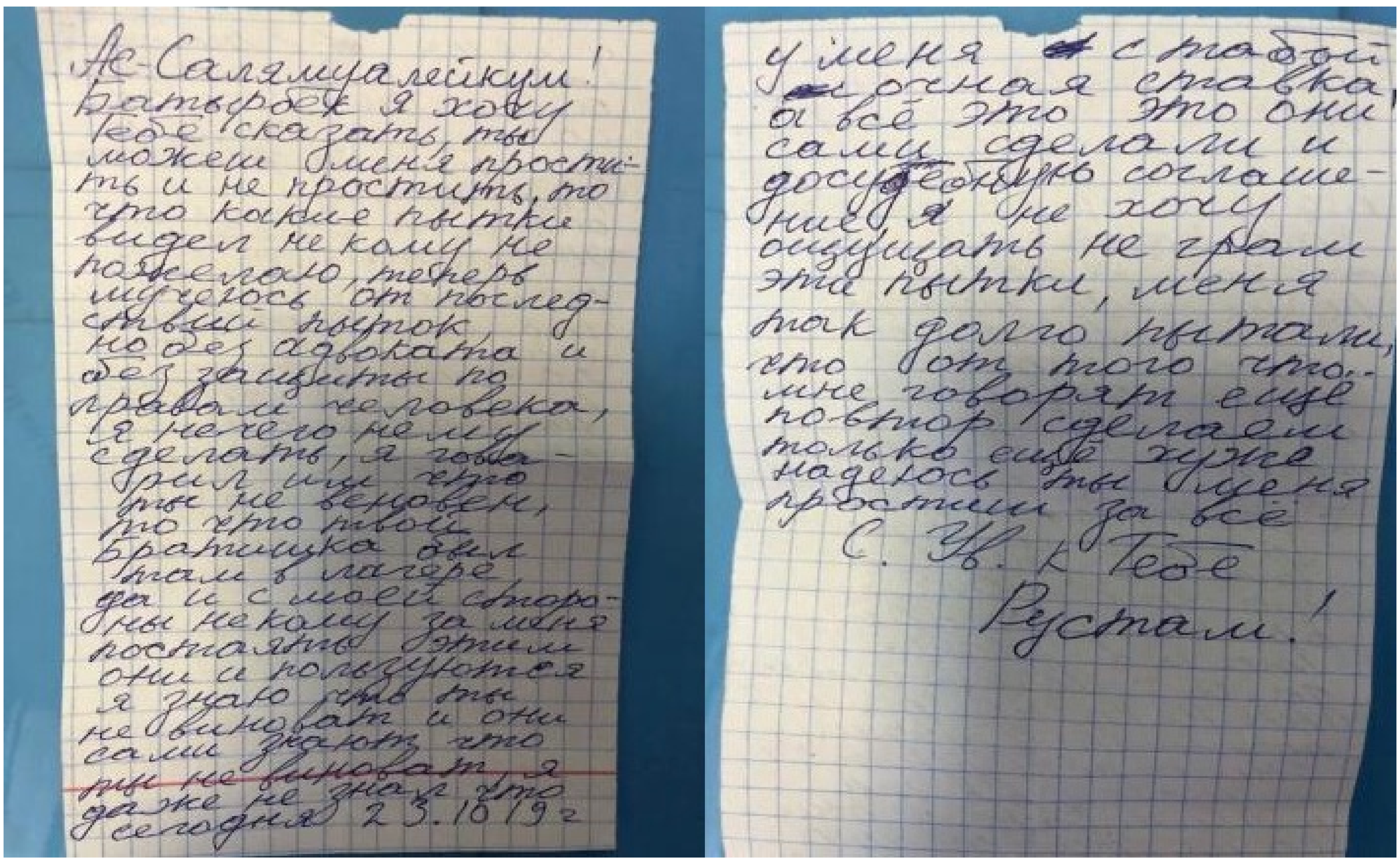
Один из таких свидетелей обозначен псевдонимом Карпов. Он утверждает, что познакомился с Пономаренко в учебном центре боевиков в Сержень-Юрте и запомнил его «в связи с тем, что он был радикальным исламистом при этом русской национальности». В лагере Александра звали Сулейманом, но Карпову, утверждается в протоколе его допроса, 16-летний парень назвал свои настоящие имя и фамилию.

То же самое говорит и другой свидетель, уже не засекреченный. Это Рустам Исмаилов, в 2018 году его осудили на семь лет по тем же обвинениям. Он, как говорится в материалах дела, опознал Пономаренко по фотографии.

Александр Пономаренко для адвоката Нарине Айрапетян — уже четвертый подзащитный по делу о нападении на Дагестан. И в каждом из них основным свидетелем обвинения был осужденный Рустам Исмаилов.

«Мемориалу»[6] защитница рассказывала, что в октябре 2019 года Исмаилов во время очной ставки с ее подзащитным из Ставрополья Батырбеком Юмартовым передал тому записку, в которой признался, что оговорил его под пытками.

«Меня так долго пытали, что от того, что мне говорят еще повтор сделаем, только еще хуже. Надеюсь, ты меня простишь за все», — сказано в этом письме.



Ас-Салямуалейкум!
Батырбек я хочу
тебе сказать, ты
можеш меня прости-
ть и не простить, то
что какие пытки
видел не кому не
пожелаю, теперь
мучаюсь от послед-
ствии пыток,
но без адвоката и
без защиты по
правам человека,
я ничего не мог
сделать, я гово-
рил им что
ты не виновен,
то что твоя
братишка был
там в лагере
да и с моей сторо-
ны некому за меня
постаять этим
они и пользуются
я знаю что ты
не виноват и они
сами знают что
ты не виноват, я
даже не знаю что
сегодня 23.10.19г

у меня с тобой
очная ставка
а всё это это они
сами сделали и
досудебную соглаше-
ние я не хочу
ощущать не грам
эти пытки, меня
так долго пытали,
что от того что
мне говорят еще
по-втор сделаем
только еще хуже
надеюсь ты меня
простиш за всё
С. Ув. к Тебе
Рустам!

Письмо осужденного Рустама Исмаилова обвиняемому Батырбеку Юмартову, которого он оговорил под пытками

— В ходе судебного разбирательства он отрицал, что писал подобную записку, — говорит адвокат. — Мы были вынуждены провести почерковедческую экспертизу, которая в свою очередь установила принадлежность почерка именно ему.

По словам Айрапетян, тогда суд заново вызвал свидетеля и попросил объяснений.

— Чтобы каким-то образом оправдать себя, была выдвинута версия, согласно которой записка была написана под давлением «сидельцев». По его утверждениям, они на него надавили и сказали, что если он не сделает, как его просят, примут соответствующие меры. Это похоже на бред, но, к сожалению, все это ложится в основу обвинительного приговора, не подвергаясь никакой критике со стороны суда.

По словам адвоката, в итоге в основу приговора легли показания трех засекреченных свидетелей и одного — осужденного на пожизненный срок лишения свободы. При этом суд не стал учитывать показания двух десятков свидетелей, которые «вспоминают события того времени с привязкой к подсудимому, подтверждают это фотографиями и другими документами».

В прошлом году Юмартова осудили на 14 лет в колонии строгого режима, вину он не признал. Еще одного ее подзащитного, Равиля Ильмухамбетова, в 2018 году суд приговорил к 6,5 годам. Показания на него тоже давал Рустам Исмаилов. Теперь же, говорит адвокат, силовики давят и на ее уже осужденных

подзащитных, требуя давать показания на новых фигурантов.

— По сведениям, которые мне стали известны, к Ильмухамбетову пришли сотрудники предположительно ФСБ где-то три месяца назад и начали давить, чтобы он дал показания против других лиц, которых он не знал, потому что он не участвовал в этих боевых действиях. Он отказался, и его поместили в ШИЗО, заставили подписывать пустые листы бумаги. Сейчас вот Юмартов тоже мне звонил, говорит, что давят, просят признаться. Я говорю: «Что значит "признайся", если вы осуждены, уже апелляция прошла, ваш приговор вступил в силу?»

Александр Пономаренко тоже рассказал о пытках-[7]. В июне он передал адвокату Кириллу Дьякову,

что его вывезли из ставропольского СИЗО-1, в котором он содержится, в региональное УФСБ[8],

и там пытали током, требуя подписать какие-то документы. Александр отказался.

— Я в первый раз в жизни столкнулась с таким, я думала, такое можно увидеть только по телевизору, — говорит Кристина Пономаренко. — Слава богу, он не подписал [признательных показания], иногда бывают такие пытки, что человек признает все что хочешь. Это я в интернете начала читать, вообще раньше не обращала внимания на такие моменты, ну задержали и задержали, а тут начинаешь читать. Я понимаю, что не готова к этому, как будто сценарий из фильма какой-то.

Редактор: Егор Сковорода

1. Отец ушел из семьи еще в 1992 году.

2. Материалы дела есть в распоряжении редакции.

3. По словам адвоката Айрапетян, первые дома были собраны еще в 1999-2000-х, когда были допрошены очевидцы — их 12 человек. К тому же времени относятся рапорты, постановления о возбуждении дела, постановления о продлении сроков следствия и другие документы процессуального характера. Экспертизы по потерпевшим и убитым провели «гораздо позднее, это вторичные экспертизы». С каждым новым обвиняемым появляются и новые допросы осужденных и свидетелей.

4. Часть 1 статьи 222 УК.

5. В предыдущем браке — уже после отъезда из Чечни — у Александра родился сын, который скончался во младенчестве из-за врожденного заболевания.

6. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что «Мемориал» внесен Минюстом в реестр организаций, исполняющих функции иностранного агента.

7. Адвокат после этого написал заявление в прокуратуру и Следственный комитет — и получил ответ, что сообщения о пытках не нашли подтверждения.

8. Оно расположено на улице Дзержинского в Ставрополе.